

Уникальные работы Спартака Британа делают славу прежде всего Национальному музею медицины - здесь установлены шестнадцать так называемых портретных фигур, совершенно не отличимых от живых людей. Но такие же муляжи украшают музеи в Каунасе и Калининграде, Санкт-Петербурге и Бердянске, Виннице и Львове... "Герои" художника-конструктора Британа - известный российский хирург Пирогов и английский океанограф Томсон, неизвестные аптекарь и северный шаман...

Мастерская Спартака Британа в прямом смысле слова - на чердаке. В закутке под крышей Музея медицины приткнулись старенький шкафчик, в котором Спартак Максимович хранит снимки своих старых работ, и столик, на котором он конструирует новые. Но художник и за это благодарен дирекции, взявшей его на зарплату старшего научного сотрудника! Ведь на пенсию не прожить. А скопить мастер ничего не скопил. Потому что не о деньгах всю жизнь думал...

- Сначала мыслил о том, как сделать... вечный двигатель, - улыбается своей юношеской наивности Спартак Британ. - Я ведь никогда не думал, что буду художником. Меня с детства интересовали конструкции. Любимое место - вокзал. Рассматривал паровозы и любую марку мог по памяти нарисовать в деталях. Лет в шесть, наверное, поспорил с дядей, который как раз закончил институт по профилю паровозостроения, что лучше него нарисую локомотив. Он сам выбрал марку, которую хорошо знал, мы разложили листы бумаги и начали. Что вы думаете? У меня он не нашел ни одной ошибки, а я у него - целых пять! Так что рисование мое началось с того, что изображал разные механизмы. Потом взялся за животных, людей. Законов построения рисунка я не знал. Поэтому лошадь рисовал, начиная с копыта и к нему же возвращаясь - точка в точку. Видно, дело было в хорошей зрительной памяти.

- Но вы отвлеклись от вечного двигателя - получилось?

- Ах да... Это было в эвакуации, в Барнауле. Закончил семь классов - надо работать. В драмтеатре нужен был помощник бутафора. Я пошел. А там работал человек - ну помешанный на механике. У него в мастерской стояли модели вечных двигателей -

десятка, наверное, два. Мастер закончил пять или шесть классов, поэтому не знал, что вечный двигатель - мечта неосуществимая. Он и меня своей идеей заразил. Я каждый вечер разрабатывал новую схему, а утром ему приносил.

- А хорошо знать, что невозможное невозможно?

- Плохо. Потому что перед тобой вырастает стена, и ты уже дальше не идешь. Так вот, в театре я проработал с год, когда барнаульские художники решили организовать студию для тех, кто хотел научиться рисовать. Это были в основном взрослые люди. Многие вернулись с фронта. Кое-кто кое-что умел, но не имел специального образования. Я учился и у них, и у преподавателей...

А лепил я и до того. В классе третьем мне в руки попался глиняный свисточек. Я его распилил, увидел, как устроен, и сделал точно такой. А потом еще, еще... Стал делать разные фигурки. Раскрашивал цветными карандашами, натирал воском. Продал - считай, две карамельки в кармане. А когда уже учился в студии, начал из гипса и папье-маше делать фигурки сказочных персонажей, потом - настольные барельефчики Ленина и Сталина. Стоил такой барельефчик десять рублей, буханка хлеба в те годы - 80. Так что можно сказать: Ленин и Сталин помогали нам с мамой на хлеб зарабатывать. Как-то наши изделия увидели на базаре две эвакуированные ленинградки-художницы и тоже принялись за вождей. Мы даже подружились.

- Но, насколько я знаю, в советские времена не всякому даже профессиональному художнику разрешалось изображать вождей. А вы - без специального образования...

- У меня очень точно получалось. Эти барельефчики я показал, когда поступал в художественное училище, и меня приняли, кстати, при конкурсе пять человек на место. Но к тому времени я сделал уже не только их, а сценки из детских сказок, разные рамочки с голубками и сердечками... Собственно, это и помогло насобирать денег, чтобы вернуться из Сибири в Украину.

- В училище я поступил легко и легко учился, но что такое рисовать по-настоящему, понял уже в институте, - продолжает Спартак Максимович.

Мастер достает из шкафчика затертые папки и раскладывает на столе черно-белые фотографии этюдов, которые и так-то хороши, а в цвете были, видимо, просто великолепны.

- Вот то, что осталось. Оригиналы моя тетя раздарила знакомым. Я думал: ладно, еще нарисую. Но жизнь повернулась так, что занялся совсем другим. Когда заканчивал институт, нашему Киевскому оперному театру понадобился художник для декораций. Мои преподаватели, зная, что я уже работал в театре, порекомендовали.

В театре не только рисовать и лепить нужно - там приходится делать целые конструкции. А меня это как раз и интересовало. Сначала занимал должность скульптора, а потом - главного художника-конструктора.

Днем на театр работал, а по вечерам стал делать фигуры для музея. Но не сразу, конечно. А когда начали создавать Музей медицины, я познакомился с Александром Абрамовичем Грандо - основателем и первым директором. Он был человек своеобразный, но умел увлекать. Если бы не музей, я бы, может быть, большие деньги зарабатывал - на сельхозвыставке заказы хорошо оплачивались.

- А сейчас? Судя по Киевскому музею восковых фигур, среди состоятельных людей много желающих запечатлеться - и на себя, любимых, они денег не жалеют.

- Есть там фигуры и в моем исполнении. В частности, Андрей Данилко. Но, видите ли, я не могу бросить своих прежних героев. Фигуры постарели. Кому их было спасать, если не автору? А силы сейчас уже не те.

- Как я понимаю, секретов своих материалов и конструкций вы никому не открываете, и спрашивать про них не стану.

- Да их уже подсмотрели коллеги. Но моя технология очень трудоемкая, а возиться

никому не хочется. Поэтому работают с воском. Я тоже попытался работать с воском. Но он со временем... "плывет", меняет цвет... Пробовал и оргстекло - это белый порошок молочного цвета, который применялся в скульптуре. Научился добиваться телесного цвета. Но когда работаешь с этим порошком и красками, такие запахи стоят...

Потом меня осенило: чего я мучаюсь, если существует протокрил, из которого протезисты десны делают? Но сам по себе он неживой - в том смысле, что не производит впечатления живой ткани. Секрет в том, что кожа многослойная, и глаз это улавливает. Изготавливая материал для открытых мест фигур - лиц, рук, - я стал это учитывать.

- А остальное - тело, ноги - из чего?

- Раньше делал из поролон, но со временем он рассыпается. Сейчас делаю из пенопласта. Потом муляж одеваю. Будете смеяться, но на докторе Образцове в Музее медицины мой пиджак, а на профессоре Караваеве - мои брюки. Академику Заболотному повезло - ему новую одежду купили.

- Из пенопласта, а позы у фигур такие естественные...

- Добиться этого помогают подвижной корпус и подвижные суставы. А пластику подсматриваю у живых людей. Видели аптекаря в медицинском музее? Пожилой человек, чуть сутулится. Но кажется, что не столько от возраста, сколько от привычки угождать клиентам. Именно такого я видел когда-то в аптеке в Николаеве, где мы с мамой одно время жили.

- А фигуры исторических личностей? Их-то вы не могли видеть!

- Тут главное - лица. Если есть хороший портрет, то дальше все в моих руках. Правда, портреты одного и того же человека иной раз так разнятся!.. Взять хоть премьера царской России Столыпина, над которым сейчас работаю. Три портрета - три формы носа. Потому что разные художники рисовали. Но мне-то нужно выбрать один!

Только ведь я ищу не одно внешнее сходство, но и характер человека. Для этого приходится много читать. Да даже если речь идет не о конкретных людях! Например, для музея в Каунасе я делал северного шамана. Книг о шаманах прочитал - какие только были. И, наверное, проникся какой-то определенной энергетикой, потому что мой шаман сотворил настоящее чудо. В музее работала женщина, которую долгие годы мучили головные боли. Она ходила по врачам, пила лекарства - ничто не помогало. Как мне потом рассказывали, она в отчаянии подошла к шаману и попросила ее избавить от болей. И боли прошли, представляете?

- Слава за вами, наверное, по пятам ходила.

- Ой, какая слава?! Вы видели, чтобы хоть в одной из первых книг о Музее медицины была упомянута фамилия Британа? Фигуры как будто сами на свет родились. Бывшему директору музея я сказал, что хорошо бы написать, чья работа, так он возмутился: "Будешь настаивать - сделаю так, что о тебе никто и никогда не узнает!" В те времена "пропагандировалась" скромность...

Признаюсь: обидно было. Ведь действительно обо мне не знали. То есть между собой музейщики общались и передавали друг другу координаты. Я получал заказы. Но звание "Заслуженный работник культуры" мне дали только к 75-летию благодаря теперешнему директору музея. А удостоверение получил вот совсем недавно.

Впрочем, может быть, в этом есть свой смысл? Знаете, у меня в жизни был такой случай. Я работал с оргстеклом и отравился парами. Потерял сознание. Отходил потом недели две - мать отпаивала молоком, чем-то еще... И вот помню: лежу я, в голове шумит. Вдруг перед глазами мультик "Бемби". Знаете, наверное: красочный такой! Но картинки другие. Я подумал: а что, если "вызвать" скульптуры? И целый ряд передо мной пошел. Потом "вызвал" картины. Потом стихи... До того случая думал: все, что умею - только мое. На самом деле таланты людям даются свыше. Другое дело, что одни вкладывают труд в то, чтобы использовать свой шанс, а другие - нет. Если воспринимать так, то все в моей жизни закономерно: потрудился - получил. Главное - дожил до этого! И за это давайте выпьем.

Спартак Максимович достал из потертой сумки термос и аккуратно разлил по чашкам не

Спартак Британ - художник-конструктор

Автор: Info КИЕВ
11.08.2015 21:00

крепкий, но очень ароматный чай.

Марина ЕВГРАШИНА